

ОСОБЕННОСТИ ЯДЕРНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА КАК НОВЫХ РАЗНОВИДНОСТЕЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Ядерные и биологические атаки имеют все шансы стать одной из наиболее опасных форм проявления современного терроризма. В то же время в российском праве, как и в юридической науке, отсутствует четкое понимание понятий, связанных с регулированием данной проблемы. Целями работы являются уточнение понятийного аппарата и формирование предложений по внесению изменений в законодательство.

Материалы и методы. Были использованы метод диалектики как общенаучный метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, а также частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и метод системного анализа).

Результаты. Рассмотрено содержание предлагаемых различными авторами дефиниций ядерного и биологического терроризма. Автор привел и обосновал собственную точку зрения по данному вопросу. Проанализировано международно-правовое регулирование в данной сфере. Определены недостатки правового регулирования уголовной ответственности за такой терроризм в России. Предложено внести ряд изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации с тем, чтобы обеспечить наказуемость всех возможных способов совершения террористических актов.

Выводы. Сформулированные в исследовании теоретические положения направлены на выработку рекомендаций по совершенствованию российского законодательства и способны качественно повысить его уровень. Они также могут быть использованы в научной деятельности и учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, ядерный терроризм, биологический терроризм, преступления, ядерная безопасность.

Е. А. Kapitonova

FEATURES OF NUCLEAR AND BIOLOGICAL TERRORISM AS A NEW KIND OF TERRORIST ATTACKS

Abstract.

Background. Nuclear and biological attacks have the potential to become one of the most dangerous manifestations of modern terrorism. At the same time in the Russian law, as well as in the jurisprudence, there is no clear understanding of the concepts related to this problem. The objectives of the work are to clarify the conceptual apparatus and to generate proposals for amendments to the legislation.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-03-00071.

Materials and methods. The author used the method of dialectics as a general scientific method that allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, as well as private-scientific methods (formal-legal, comparative legal methods and system analysis).

Results. The article considers a content of definitions of nuclear and biological terrorism offered by various authors. The researcher presents and proves her own point of view on this issue, analyzes the international legal regulation in this sphere and identifies shortcomings of the legal regulation of criminal responsibility for such terrorism in Russia. The article suggests a number of changes to the Criminal Code of the Russian Federation in order to ensure punishment for all possible ways of committing terrorist acts.

Conclusions. The theoretical propositions, formulated in the study, are aimed at elaboration of recommendations on improving the Russian legislation and are able to raise the level thereof. They can also be used in academic activities and in the educational process of higher professional education establishments of the law sphere, as well as in up-grading the qualification of practical staff and scientific-academic personnel in the sphere of jurisprudence.

Key words: terrorism, terrorist attack, nuclear terrorism, biological terrorism, crime, nuclear safety.

Терроризм повсеместно признается одной из главных угроз человечеству. Однако, несмотря на все силы и средства, которые бросаются государствами на защиту от него, изжить его полностью пока не получилось ни у одной страны в мире. Борьба с этой угрозой осложняется еще и тем, что методы террористов постоянно меняются, а преступники со временем задействуют все новые способы совершения террористических актов.

Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 5 октября 2009 г. [1], в числе основных направлений развития современного терроризма указывает разработку новых и совершенствование существующих форм и методов террористической деятельности, направленных на увеличение масштабов последствий террористических актов и количества пострадавших.

Особого внимания в данном контексте заслуживает анализ ядерной и биологической угроз со стороны террористов.

На национальном законодательном уровне термины «ядерный терроризм» и «биологический терроризм» не закреплены. В юридической науке существует точка зрения, что под биологическим терроризмом следует понимать использование в террористической деятельности различных бактериологических культур (бактерий, вирусов, токсинов и т.д.) в целях возбуждения эпидемий и эпизоотии (массовых заболеваний людей или животных). В свою очередь, ядерный терроризм представляет собой использование или угрозу использования в террористической деятельности ядерных взрывных устройств, а также радиоактивных материалов в целях радиоактивного заражения объектов, местности, водоемов, воздуха, а равно разрушение (повреждение, захват) ядерных объектов [2, с. 47, 48].

Недостатком приведенных дефиниций является отсутствие в них указания на существенные признаки терроризма как преступного деяния (в частности, не упоминается цель совершения теракта и наступление возможных общественно опасных последствий), что представляется недопустимым.

Современные российские правоведы нередко оценивают ядерный и биологический терроризм как проявление технологического терроризма [3, с. 46], под которым, в свою очередь, понимается использование или угроза использования ядерного, радиологического, химического или бактериологического (биологического) оружия или его компонентов, патогенных микроорганизмов, радиоактивных и других вредных для здоровья людей веществ, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений органами власти, для достижения политических, корыстных или любых других целей [2, с. 47].

Объединение в одном термине столь разных по способам осуществления террористических явлений представляется ошибочным. Несмотря на то, что совершение актов ядерного терроризма и актов биологического терроризма может повлечь одинаковые последствия, содержание и способы реализации преступных намерений в этих случаях различны. Поэтому рассматривать их нужно, скорее, по отдельности, нежели в составе одного комплексного понятия, оставляющего за рамками анализа своеобразие каждого из терминов.

Международное сообщество относится к проблеме потенциальной опасности ядерного и биологического терроризма со всей серьезностью, о чем свидетельствуют многочисленные документы, принятые на соответствующем уровне.

Некоторые юристы привязывают понятие ядерного терроризма именно к международно-правовому регулированию, оставляя за его рамками национальное законодательство. Так, Н. Ю. Тимофеева считает, что ядерный терроризм представляет собой совокупность преступлений, нашедших отражение в международном праве, и характеризующих их признаков, перечисленных в ряде международных договоров антитеррористической направленности [4, с. 53; 5, с. 238]. С такой точкой зрения нельзя согласиться. Дефиницию ядерного терроризма следует проводить не по уровню правового регулирования (тем самым искусственно сужая область применения этого понятия, делая его объектом регулирования исключительно международных норм), а по способу осуществления этого преступного деяния. Как правильно отметил К. И. Косачев, здесь имеется в виду «деятельность, в основе которой лежит незаконное использование энергии атома, радиологических свойств веществ и которая направлена на достижение целей террористического характера» [6, с. 85], а основным признаком, по которому можно выделить данный вид преступного деяния из числа схожих с ним, служит либо объект посягательства (ядерные материалы или радиоактивные вещества), либо орудие преступления (имеющее то же происхождение) [6, с. 88].

Крен в сторону международного права наблюдается, впрочем, и у того же К. И. Косачева, который в другой своей работе утверждает, что под ядерным терроризмом следует понимать «общественно опасные деяния, предусмотренные мировым сообществом в качестве преступлений в нормах универсальных международных договоров или в обычных нормах международного права» [7, с. 11]. Безусловно, ядерные теракты могут относиться к преступлениям международного характера, нарушать установленный международный правопорядок и создавать угрозу международному миру и безопасности. Однако сводить их исключительно к подобным проявлениям не

следует. Национальное законодательство не должно игнорировать эту проблему, и исключение из сферы правового регулирования данного вопроса является, по нашему мнению, категорически неверным.

Возвращаясь к теме международно-правового противодействия ядерному терроризму, приведем краткую характеристику основных нормативных документов в данной сфере.

Первым значимым актом стала Конвенция о физической защите ядерного материала, принятая в 1979 г. и ратифицированная СССР в 1983 г. Этот акт закрепил на международном уровне понятие ядерного материала (путем перечисления соответствующих наименований) и призвал государства – участников Конвенции к ответственному отношению к опасным объектам при соблюдении всех надлежащих норм по хранению, перевозке и физической защите таких материалов. Конвенция также установила порядок определения уголовной юрисдикции и необходимость применения государствами мер ответственности за перечисленные в ней правонарушения. К числу преступлений были отнесены:

- ряд незаконных действий, направленных на получение ядерного материала (кража, захват путем грабежа, присвоение или получение обманным путем либо с применением угроз и запугивания);

- потенциально опасные манипуляции с таким материалом, проводимые без разрешения компетентных органов (получение, владение, использование, передача, видоизменение, уничтожение или распыление в случае, если влечет за собой или может повлечь смерть человека или причинение ему серьезного увечья, или причинение существенного ущерба чьей-либо собственности);

- различного рода угрозы (в частности, применяемые для использования ядерного материала с целью причинения смерти или иного ущерба людям или имуществу или для запугивания, воздействия на государства или организации с целью добиться от них принятия нужного решения).

Во исполнение предусмотренных Конвенцией 1979 г. договоренностей в России в настоящее время действуют утвержденные Правительством РФ Правила физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов [8]. В этом нормативном акте не только четко сформулированы все основные термины, относящиеся к определению возможных угроз и защите от них, но также прописаны разнообразные меры защиты ядерных объектов, конкретные действия уполномоченных органов власти и порядок обмена информацией между государственными органами исполнительной власти в случае несанкционированных действий в отношении ядерного объекта. Все упомянутые положения направлены на создание государственной системы физической защиты ядерных материалов и объектов и призваны, помимо прочего, пресечь любую возможность для террористов завладеть потенциально опасным орудием преступления.

В 2005 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма [9]. Россия подписала и ратифицировала этот документ в октябре 2006 г. Конвенция представляет собой новый шаг в продолжение пути, намеченного в 1979 г. Прежде всего она более четко формулирует понятия радиоактивного и ядерного материала, а также ядерного объекта. Впервые в международно-правовой практике употреб-

лен термин «устройство», под которым понимается любое ядерное взрывное устройство или любое рассеивающее радиоактивный материал или излучающее радиацию устройство, которое может в силу своих радиологических свойств причинить смерть, серьезное увечье либо существенный ущерб собственности или окружающей среде. Такое дополнение выглядит очень уместным. В отличие от материала как простого продукта ядерной промышленности, устройство подразумевает более сложный предмет – некое оборудование, умышленно созданное кем-то с преступными целями. Формально такой предмет не является радиоактивным или ядерным материалом, а потому ранее фактически не подпадал под действие международных договоренностей, хотя возможный ущерб от его применения мог быть куда более значительным, чем от использования материала. Продемонстрированный Конвенцией новый подход свидетельствует о стремлении ее создателей идти в ногу со временем и постараться охватить максимально широкий круг возможных правонарушений и унифицировать их понимание всеми странами с целью защитить мир от вредоносного воздействия ядерного терроризма.

Также расширился перечень возможных преступлений в данной сфере. Теперь к ним относятся:

- владение радиоактивным материалом либо изготовление или владение устройством (если такое деяние совершается с намерением причинить увечье или смерть либо нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде);
- использование радиоактивного материала или устройства с теми же целями, а также с целью воздействия на принятие решения любыми лицами, государством или международной организацией;
- реальная угроза совершения вышеупомянутых действий;
- незаконные попытки завладения радиоактивным материалом, устройством или объектом посредством угроз или применения силы;
- соучастие, организация совершения и любое содействие совершению любого из перечисленных преступлений.

Страны – участники Конвенции также договорились об определении уголовной юрисдикции, сотрудничестве и взаимопомощи по всем вопросам, связанным с защитой людей, государств и мира в целом от угроз ядерного терроризма. Все перечисленные в акте деяния должны были быть включены в национальное законодательство в качестве уголовных преступлений, а наказания за них должны соответствовать их тяжкому характеру.

Стоит отметить, что разделение на международно-правовом уровне понятий ядерного и радиоактивного материала, которое впервые было закреплено Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., не замедлило сказаться на отечественной науке уголовного права. Следуя приведенной Конвенцией классификации, ученые стали толковать ядерный терроризм в узком и широком смыслах. В последнем случае в содержание понятия включается ядерный терроризм в узком смысле (деяния, связанные с ядерными материалами и объектами) и радиационный (радиологический) терроризм (деяния, орудием или средством которых выступают радиоактивные материалы) [10, с. 65].

Не забывает международное сообщество и об угрозе биологического терроризма. В 1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвен-

ция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении [11]. Этот документ был ратифицирован СССР в 1975 г. Каждое государство-участник обязалось никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать и не сохранять никакие микробиологические или другие биологические агенты или токсины, не предназначенные для профилактических, защитных и иных мирных целей. Аналогичный запрет был установлен и в отношении оружия, оборудования или средств доставки, которые предназначены для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. Со всеми необходимыми предосторожностями всякое биологическое оружие должно было быть незамедлительно уничтожено. Дальнейшее его производство и существование в мире должно было быть полностью исключено, а всем странам – участницам Конвенции надлежало внести соответствующие изменения в национальное законодательство. Государства также договорились сотрудничать в области обмена необходимой информацией и при устранении последствий, если таковые возникнут в результате применения в какой-либо из стран запрещенного бактериологического и токсинного оружия.

При изучении Конвенции 1971 г. некоторые специалисты указывают на низкую эффективность закрепленного ею механизма борьбы с распространением биологического оружия [12, с. 11]. Декларируя необходимость соответствующего запрета, документ вроде бы не создает действенного инструмента контроля за его исполнением. Выходы из этой ситуации предлагаются самые разные: от создания специальной международной структуры (например, Организации по запрещению биологического оружия), на которую можно было бы возложить функции контроля, до расширения полномочий существующих в составе Интерпола Комитета по борьбе с биотерроризмом и Информационно-справочного центра по предупреждению биотерроризма (чтобы они осуществляли также координацию и информационно-аналитическое сопровождение деятельности различных международных организаций, межгосударственных объединений, отдельных государств и их правоохранительных органов в сфере борьбы с биологическим терроризмом). Автор статьи полагает излишним умножение сущностей за счет учреждения новых международных организаций. Вполне достаточно было бы создания единого Координационного центра при Интерполе, как предлагает это сделать (на базе уже существующих в этом органе подразделений) А. Е. Симонова.

Как и в случае с ядерным терроризмом, некоторые юристы высказывают мнение, что биологический терроризм является разновидностью международного терроризма и относится к международным преступлениям, объектами которых выступают мир и безопасность человечества [12, с. 43]. С этим мнением можно согласиться с той лишь оговоркой, что поскольку правовое регулирование защиты от актов биологического терроризма не должно исчерпываться исключительно нормами международного права, то и понятие это не может рассматриваться в полном отрыве от национального законодательства.

В соответствии с принципами, заложенными Конвенцией 1971 г., в России был разработан и принят комплекс мер, направленных на обеспечение

биологической безопасности. Большинство этих мер носит организационный характер. Так, Федеральный закон «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [13] закрепил меры безопасности в одной из наиболее потенциально опасных сфер – генной инженерии. Г. Г. Онищенко также указывает, что в целях противодействия биологическому и химическому терроризму и во исполнение решения Федеральной антитеррористической комиссии Минздравом совместно с ФСБ, Минобороны, МВД и другими заинтересованными министерствами и ведомствами были приняты и иные организационные меры (например, разработана и одобрена Концепция антитеррористической деятельности федеральных органов исполнительной власти в области охраны окружающей среды и здоровья населения; образована межведомственная рабочая группа по вопросам защиты населения, сельскохозяйственных животных и растений от возможного применения террористами биологических, химических и иных средств массового поражения, а также борьбы с незаконным оборотом потенциально опасных веществ и материалов; разработано и утверждено несколько федеральных целевых программ [14]; созданы Федеральный межведомственный центр подготовки специалистов, испытания средств и методов идентификации возбудителей особо опасных инфекций на базе Волгоградского научно-исследовательского противочумного института, а также Центр специальной лабораторной диагностики и лечения на базе Вирусологического центра научно-исследовательского института микробиологии Минобороны России) [15, с. 19–21]. Всех этих документов, однако, в понимании бывшего главного санитарного врача РФ недостаточно для того, чтобы признать обеспечение биологической безопасности в стране удовлетворительным. Отсутствие достаточной нормативной базы (в первую очередь единого закона «О биологической безопасности»), несоответствие имеющейся материально-технической базы современным критериям чувствительности, скорости действия и эффективности, а также отсутствие в местах наиболее вероятного совершения терактов автоматических средств обнаружения биологических агентов в окружающей среде, как и отсутствие в стране федеральных запасов вакцин, иммунобиологических препаратов и антибиотиков, – все эти факторы, по мнению Г. Г. Онищенко, ставят под сомнение эффективность существующей сейчас в России системы биологической защиты. Выход эксперт видит только в одном – опережающем развитии биотехнологий и создании действенной системы проведения противоэпидемических мероприятий при чрезвычайных ситуациях (в том числе в случае совершения акта биологического терроризма).

Уголовно-правовое противодействие ядерному и биологическому терроризму в России в настоящее время осуществляется посредством установления ответственности за совершение террористического акта, если он сопряжен с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ (п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ). При этом Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 [16] обратил внимание судов на то, что если в процессе совершения террористического акта были использованы незаконно приобретенные либо хра-

нящиеся ядерные материалы и радиоактивные вещества, то действия лица подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст. 220, 222 или 223 УК РФ (п. 10).

Включение актов ядерного и биологического терроризма в особо квалифицированный состав, предусмотренный п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, вызывает определенные нарекания со стороны ряда юристов. Так, В. Т. Корниенко признает формулировку закона «крайне проблемной для правоприменителя», поскольку при предъявлении обвинения в теракте, совершенном, к примеру, организованной группой, формулу обвинения, если следовать букве закона, придется выстраивать таким образом, что квалифицирующие признаки преступления окажутся в середине (и только после этого правоприменителю надлежит указывать, с посягательством на какие определенные законом особые объекты был совершен террористический акт) [17, с. 24]. В этом исследователю видит серьезную проблему, которую, в его понимании, не способна сгладить даже разница в санкциях ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ. В отличие от аргументации этой не вполне ясной проблемы, предложение ученого относительно внесения в Уголовный кодекс самостоятельного состава преступления, касающегося ядерной угрозы со стороны террористов, выглядит достаточно обоснованным. Отдельная статья позволила бы не только в полной мере соблюсти требования Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г. в части закрепления всей необходимой терминологии и видов посягательств. Она также дала бы возможность выделить квалифицированные составы этого деяния с учетом возможного соучастия в преступлении и в зависимости от тяжести наступивших последствий (угроза совершения подобных действий и деяние, повлекшее гибель людей, должны оцениваться и наказываться по-разному).

Уголовный кодекс РФ также включает комплекс мер в области борьбы с незаконным оборотом оружия массового поражения. В основном уголовно-правовое противодействие касается незаконного обращения с ядерными материалами и радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ), их хищения либо вымогательства (ст. 221 УК РФ), контрабанды радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, оружия массового поражения, средств его доставки, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании последнего (ст. 226.1). При этом санкции за совершение перечисленных преступлений предусмотрены достаточно мягкие. Так, например, совершение деяния по ч. 1 ст. 220 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, использование, передача или разрушение ядерных материалов или радиоактивных веществ) наказывается лишением свободы на срок до двух лет, а в случае, если это повлекло по неосторожности смерть двух и более лиц (ч. 3 ст. 220 УК), – до семи лет.

Российский уголовный закон в ст. 355 также устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения. В диспозиции нормы в качестве такового прямо перечислены химическое, биологическое и токсинное оружие. Категорически неверным представляется отсутствие в этом перечне прямого указания на ядерное оружие. Можно предположить, что в отношении него действует формулировка «другой вид оружия массового поражения, запрещенный международным договором РФ». Но, учитывая потенциальную возможность ис-

пользования террористами именно этого вида оружия, а также требования международно-правовых актов в отношении внесения соответствующих угроз в национальное законодательство, точное указание в диспозиции ст. 355 УК РФ относительно данного вида оружия представляется более оправданным, чем имеющаяся в тексте закона спорная бланкетная отсылка.

Подводя итог рассмотрению вышеозначенных проблем, можно сделать вывод о том, что предотвращение угрозы ядерного и биологического терроризма должно стать одним из приоритетных направлений уголовно-правовой политики России. Это объясняется общественной опасностью и широким спектром возможных негативных последствий, которые могут повлечь за собой указанные явления. Развитие технологий и модернизация общества создают не только научный и информационный потенциал страны, но и обуславливают совершенствование процесса совершения преступных деяний, в том числе и террористических, которым государство должно противодействовать посредством любых правовых и организационных мер.

Библиографический список

1. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. – 2009. – № 198.
2. **Хлобустов, О. М.** О некоторых понятиях и терминах в сфере борьбы с современным терроризмом / О. М. Хлобустов // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 42–49.
3. **Некишев, В. Л.** О некоторых проблемах противодействия технологическому терроризму на транспорте / В. Л. Некишев, А. В. Некишев // Транспортное право. – 2006. – № 4. – С. 46–48.
4. **Тимофеева, Н. Ю.** Международно-правовые вопросы борьбы с терроризмом в евроатлантическом регионе : дис. ... канд. юрид. наук / Тимофеева Н. Ю. – М., 2009. – 222 с.
5. **Тимофеева, Н. Ю.** Международно-правовое сотрудничество в области противодействия ядерному терроризму / Н. Ю. Тимофеева // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 3. – С. 238–241.
6. **Косачев, К. И.** Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним / К. И. Косачев // Государство и право. – 2004. – № 8. – С. 85–94.
7. **Косачев, К. И.** Концепция развития международного права в области борьбы с ядерным терроризмом : дис. ... канд. юрид. наук / Косачев К. И. – М., 2003. – 228 с.
8. Об утверждении Правил физической защиты ядерных материалов, ядерных установок и пунктов хранения ядерных материалов : Постановление Правительства РФ от 19 июля 2007 г. № 456 (ред. от 14 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4081.
9. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 апреля 2005 г.) // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc1_ter.shtml (дата обращения: 21.06.2016).
10. **Метельков, А. Н.** О соотношении понятий ядерного и радиационного терроризма как преступлений международного характера / А. Н. Метельков // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 64–77.
11. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1971 г.) // Организация Объединенных Наций. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 21.06.2016).

12. **Симонова, А. Е.** Противодействие биотерроризму. Международно-правовой аспект / А. Е. Симонова. – М. : Либроком, 2010. – 160 с.
13. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности : Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ (ред. от 19 июля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 28. – Ст. 3348.
14. О федеральной целевой программе «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009–2014 годы)» : Постановление Правительства РФ от 27 октября 2008 г. № 791 (ред. от 28 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 44. – Ст. 5093.
15. **Онищенко, Г. Г.** Противодействие биотерроризму: стратегия национального здравоохранения / Г. Г. Онищенко // Бюллетень «Вакцинация». – 2002. – № 3. – С. 16–26.
16. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.
17. **Корниенко, В. Т.** Проблемы квалификации ядерного терроризма / В. Т. Корниенко // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 23–25.

References

1. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian News paper]. 2009, no. 198.
2. Khlobustov O. M. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2006, no. 5, pp. 42–49.
3. Nekishev V. L., Nekishev A. V. *Transportnoe pravo* [Transport law]. 2006, no. 4, pp. 46–48.
4. Timofeeva N. Yu. *Mezhdunarodno-pravovye voprosy bor'by s terrorizmom v evroatlanticheskom regione: dis. kand. yurid. nauk* [International legal issues of the struggle against terrorism in the European Atlantic region: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2009, 222 p.
5. Timofeeva N. Yu. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Astrakhan State Technical University]. 2007, no. 3, pp. 238–241.
6. Kosachev K. I. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2004, no. 8, pp. 85–94.
7. Kosachev K. I. *Kontseptsiya razvitiya mezhdunarodnogo prava v oblasti bor'by s yadernym terrorizmom: dis. kand. yurid. nauk* [The conception of international law development in the field of struggle against nuclear terrorism: dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Moscow, 2003, 228 p.
8. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2007, no. 31, art. 4081.
9. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy* [United Nations]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (accessed June 21, 2016).
10. Metel'kov A. N. *Mir yuridicheskoy nauki* [The world of juridical science]. 2014, no. 3, pp. 64–77.
11. *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsiy* [United Nations]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (accessed June 21, 2016).
12. Simonova A. E. *Protivodeystvie bioterrorizmu. Mezhdunarodno-pravovoy aspekt* [Counteracting terrorism. The international legal aspect]. Moscow: Librokom, 2010, 160 p.
13. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 1996, no. 28, art. 3348.
14. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2008, no. 44, art. 5093.
15. Onishchenko G. G. *Byulleten' «Vaksinatziya»* [“Vaccination” bulletin]. 2002, no. 3, pp. 16–26.
16. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2012, no. 4.
17. Kornienko V. T. *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian investigator]. 2013, no. 14, pp. 23–25.

Капитонова Елена Анатольевна
доцент, кафедра уголовного права,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: e-kapitonova@yandex.ru

Kapitonova Elena Anatol'evna
Associate professor, sub-department
of criminal law, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 343.34

Капитонова, Е. А.

Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта / Е. А. Капитонова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 57–67. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-1-6